ПАМЯТЬ О КОНФЛИКТАХ:



ОСОБЕННОСТИ АРХИВА КАЗАНСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА*

Архив Казанского императорского университета, являющийся частью фонда Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), сегодня признан уникальной коллекцией документов[1]. В отличие от архивов других российских университетов, он сохранился в наименее поврежденном виде, а высокий профессионализм сотрудников НА РТ делает его одним из наиболее открытых информационных источников. В результате активно развивается историография Казанского университета, растет число публикаций, раскрывающих различные аспекты его двухсотлетней жизни. Это, в свою

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Электронные источники и библиотека по истории Казанского университета», грант № 07-01-12146.

очередь, позволило историкам Казанского государственного университета принять участие в международных программах сравнительной истории европейских университетов. Одна из них посвящена проблеме университетской конфликтологии*.

Применительно к обозначенной теме можно придерживаться двух исходных посылок. Первая состоит в том, что университетские конфликты лежат в самой природе «ученого сословия» — конкурентной группы людей, борющейся за доступ и контроль над интеллектуальными ресурсами и материальными возможностями. Конфликты, обостряются в те моменты, когда одна из сторон стремится пересмотреть условия заключенного договора о «status quo» и нарушает его условия. Возможность изучения университетских конфликтов облегчена их письменной фиксацией и усложнена их затемнением, созданным посредством специфической «просветительской» риторики. Вторая посылка основывается на том, что архив университета представляет собой вариант зафиксированной посредством письма корпоративной памяти. Такой подход позволяет увидеть в нем свидетельство, средство и следствие университетских конфликтов.

Изучая университетский архив, невольно убеждаешься в парадоксальности ситуации: споры, скандалы, выяснение отношений, ссоры были для университетских людей едва ли не главным показателем состояния здоровья университетской корпорации. Именно по ним определялись возможности научной и учебной работы в университете, уровень зрелости академических отношений. Совершенно неправомерно их прочитывать в категориях политической лексики (либеральный — консервативный, прогрессивный — реакционный), что было свойственно для отечественных публикаций. Примечательно, что никогда в сохранившихся письмах, дневниках, воспоминаниях и даже протоколах заседаний речь не идет о наличии или отсутствии конфликтов как таковых, а лишь о том — какого рода эти конфликты («здоровые» или «нездоровые»), как они разрешаются, какую роль играют в самоорганизации университетской корпорации, какие этические ценности проговаривались в ходе полемики и ссор.

Действительно, университетские конфликты могут быть типологизированы по разным признакам, в том числе их можно разделить на конструктивные и деструктивные. К первым относятся конфликты идентичности. Университетские люди отличались ранимостью. И как исследователь, и как педагог, преподаватель нуждался в поддержке и одобрении коллег. Отсутствие таковых воспринималось как обида, угроза, катастрофа. Никогда выговор или наказание, исходившие от человека «извне», не воспринимались университетским человеком столь болезненно, как критика или оскорбление из уст коллеги.

Поскольку движение по университетской вертикали опиралось на субъективные оценки ученого (его избирали, его труды обсуждали, он проходил через публичные защиты с баллотировкой), то противоречие между высокой (или завышенной) самооценкой университетского человека и его низкой (или заниженной) оценкой коллегами порождало психологический дискомфорт, способствовало конфронтации с корпорацией. Впрочем, само признание научного авторитета далеко не всегда отражало реальный масштаб исследователя и во многом зависело от интеллектуального состояния самого сообщества. Так, во времена, когда университетская корпорация или ее часть жила в «схоластическом режиме», поклонялась величественным текстам прошлого, которые, как считалось, содержат всю полноту мудрости, коллективное признание получали стражи этой классики. Когда же интеллектуальное сообщество было ориентировано на инновации, значимыми личностями в университетском коллективе становились те, кто создавал

* В последнее время специфика университетских конфликтов, их роль в корпоративной самоорганизации и развитии науки стали предметом пристального внимания и изучения. Данной теме был посвящен семинар в Германском историческом институте в Москве (ноябрь 2007 г.).

новое поле, на котором могли работать другие исследователи[2].

При общности социальных параметров академического и университетского сообществ у них есть специфические черты, которые выявляются только при анализе конфликтов. Академия занималась исключительно производством нового знания, а назначение же университета виделось в формировании и распространении интеллектуальной культуры. Это обстоятельство обусловливало выбор форм ее трансляции, определяло разную меру социального воздействия.

Отсюда специфика корпоративной этики. Академические ученые в большинстве своем не страдали от социальной замкнутости. Более того, они как будто были даже мало заинтересованы в развитии социальной мобильности (тип «кабинетный ученый»). В то же время, в отличие от университетских коллег, «академики» всегда в большей степени зависели от отношения к ним официальной власти, а потому демонстрировали ей свою нужность, говорили о практической пользе собственного труда для государства.

Университет, по определению, выполнял функции трансфера идей и знаний: из Западной Европы в локальные культуры, от одного поколения к другому. Он действительно оптимально приспособлен к выполнению культуртрегерской роли. В отличие от академического, университетское сообщество не может позволить себе эзотерической идентичности. Напротив, оно стремилось быть открытым, обращенным к общественным нуждам, претендовало на роль выразителя социальных интересов. В этой связи публичной была сама фигура университетского профессора. Педагог — всегда знаковая личность, которая не может приватизировать даже собственную жизнь. Его повседневность являлась частью культурного назначения университета — утверждать в социальном сознании преимущества интеллектуального самоусовершенствования, бороться за модельный статус корпоративной культуры. Поэтому обстоятельства частной жизни профессора нередко становились объектом внимания, споров и конфликтов в университетской среде. Соответственно конфликты «академиков» могли быть представлены как борьба идей, столкновение концепций. Конфликты же внутри университетского сообщества, как правило, прочитывались в этических категориях.

Конфликт идентичности — один из постоянных и внутренне присущих университетской жизни. Внутри него, в пылу полемики и обличений, высказывались критерии принадлежности к профессии, вырабатывались нормы университетской жизни, определялась этика корпоративных отношений, то есть происходило «переутверждение ценностей», способствующих поддержанию порядка. На заседаниях совета преподаватели выясняли границы собственной автономии и пределы допустимого вмешательства в их частную жизнь, а избранные на пост декана или ректора профессора доказывали свое право судить о качестве преподавания коллег, право формулировать интересы университета в целом.

В процессе бурных прений на научных конференциях и диспутах, профессорском совете и правлении происходило одно и то же: кристаллизация групп, обмен культурным капиталом, эмоциональной энергией, формулирование интеллектуальных позиций, соперничество за пространство внимания, борьба за репутации. При этом участники конфликтов стремились облачить все это в «цивилизованную» («ритуальную») словесную форму, что не исключало столкновений, становившихся подчас источником личных трагедий для вовлеченных в них людей. Коммуникативная ситуация в университете оставляла людям выбор формы собственной идентификации. Одни становились рупорами или неформальными лидерами корпорации, другие почти намеренно разрывали связи с коллегами, «создавая вокруг себя атмосферу недовольства и обиды»*, третьи творили свой микро-

* Примером тому профессор истории Н. А. Иванов (см.: Руднева Я. Б. Н. А. Иванов: жизнь и научно-педагогическая деятельность: Дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2003. – 201 с.).

косм из близких друзей-единомышленников или единоверцев.

Но при всех трудностях университетской демократии через утвердившиеся в университетской среде способы разрешения конфликтных ситуаций и преодоления коммуникативных, административных проблем люди впитывали уважение к иному мнению, привычку считаться с ним, вырабатывали в себе стремление понять аргументы противника, учились слышать другого и быть терпимыми. Вспоминая профессора Н. П. Загоскина, его дочь писала: «Отличительной чертой характера отца была большая терпимость и уважение к чужому мнению. Сам он никогда, ни при каких обстоятельствах и выгодах не поступался своими убеждениями и другим не навязывал своих убеждений»[3]. И даже если это идеализация, то терпимость — именно то качество, которое признавалось ценным в университетской среде. Тех, кто им не обладал, осуждали.

Причем в данном случае речь шла не о казусах, а о каждодневной практике университетской жизни, о сложившихся нормах университетской повседневности, которые входили в плоть и кровь университетского человека, оказывая затем подспудное влияние на формы его мышления и поведения. Будь то во Франции, Германии, Санкт-Петербурге, Москве или Казани, университетские преподаватели были «людьми совета», предпочитавшими авторитарным методам коллегиальное принятие решений в результате многочисленных обсуждений и споров[4]. В этом отношении университет, при всех противоречиях и сложностях этого процесса, стал для России оплотом либеральных ценностей и либерального мышления.

Университетский архив оказывается и зеркалом борьбы, и одновременно пролонгированным средством ее ведения, и даже результатом. Он документирует борьбу сильных научных, педагогических и административных индивидуальностей за выживание в коллективной памяти. В ней побеждал тот, кто преодолевал влияние предшественников и оказывал наибольшее влияние на последующих. В скрижалях университетской истории остались люди наиболее плодовитые как ученые (по количеству публикаций) или как педагоги (по числу учеников). Чаще всего это были профессора, долгое время проработавшие в своей научной области. Данное обстоятельство приходится учитывать исследователю при работе над темой академической конфликтологии.

В случае с университетским архивом Казанского университета, хранящимся в НА РТ, мы имеем дело с цельным нарративом, своего рода первой рассказанной историей корпорации. И как таковая она имеет свою завязку, хронологию и драматургию.

Ведение архива было предписано университетским уставом 1804 г. Вероятно, в долгосрочном плане его предназначение состояло в том, чтобы поддерживать систему (университетское сообщество) в состоянии стабильности и обеспечивать «прозрачность» ее действий для власти. Стабильность обеспечивалась переводом норм университетской повседневности в разряд традиции, что есть своего рода историческая легитимация существующей системы. Кроме того, написанная история служила средством идентификации и консолидации корпорации. Учитывая, что в России корпоративные отношения в университете складывались не столько на основе обретенных прав и привилегий (т. е. изданных указов и уставов), сколько в версии патриархальной семьи, архивная коллекция служила своего рода хранилищем норм обычного права.

Контроль над формированием архива, а в последующем и над его использованием всегда находился в руках университетской администрации. Соответственно существующая сегодня структура архивных фондов воспроизводит расширяющуюся административную структуру университета за разные периоды его существования в России: «Совет», «Правление», «Попечитель округа», «Инспектор студентов», потом появляются фонды факультетов, строительных комитетов и т. д.

Люди, возглавляющие эти органы, имели реальную возможность осуществлять селекцию текстов, предназначенных для хранения. Они же могли вносить в них правки, сопровождать их комментариями. От них, например, зависело признать за письмами статус «официальных» или «личных», хотя понятно, что эпистолярии всегда содержат элементы служебного и приватного характера. Это сказалось на том обстоятельстве, что письма попечителей, как вариант служебной инструкции, сохранялись обязательно, наряду с постановлениями министерств. Поэтому, например, архив Казанского университета обладает богатой коллекцией писем трех первых попечителей Казанского учебного округа — С. Я. Румовского, М. А. Салтыкова и М. Л. Магницкого.

А вот письма профессоров того же времени сохранились лишь фрагментарно, так как они рассматривались в качестве приватных и не имеющих государственного значения. Лишь после того как поднялся социальный статус университетского преподавателя (приблизительно с 1830-х гг.), после того как он соединился со статусом ученого, профессорская переписка обрела значение корпоративного достояния и стала откладываться на хранение в архив (в советское время эпистолярные коллекции были отделены от делопроизводственного архива и сейчас, как правило, хранятся в рукописных отделах университетских библиотек).

Архивная коллекция документов позволяет прочитывать не только написанное, но и свидетельствует о «зонах умолчания». Так, слабость представительства должностного лица в архивном нарративе, его невнимание к формированию «фиксированной памяти» само по себе является показателем небольших ресурсов власти выборного администратора.

В то же время архив расставляет для исследователя конфликтов не мало «ловушек». Неблагоприятные для университета внешние обстоятельства делали атмосферу внутри его корпорации накаленной и взрывоопасной. В такой ситуации административные органы и особенно ректор становились объектами выражения недовольства, нападок и нелицеприятной критики коллег. Таковым по материалам архива предстает ректорство немецкого профессора И. О. Брауна (1814-1819), которое выпало на период хозяйственного упадка в университете и сложное время становления коллегиальных отношений, ректорство Г. Б. Никольского (1820-1823), пришедшееся на «обновление» университета по плану М. Л. Магницкого[5]. Ректорство А. М. Бутлерова совпало с подъемом студенческих сходок. Но особенно тяжким бременем ректорство стало в конце XIX и начале XX столетия. Так, в 1887 г. В. П. Энгельгардт писал в Казань Д. И. Дубяго: «Не сладко теперь ректорское место!»[6]. Спустя несколько лет избранный ректором Дубяго признавался в остром желании отказаться от ректорских обязанностей. Наличие в университетском архиве следов профессорских конфликтов, полемика с ректором или обвинения, посланные на адрес министерства, стали основой «неблагодарной» памяти университета о ректорах, правивших в кризисное время. Соответственно в историографии за ними утвердился либо имидж «реакционных», либо «слабых» руководителей[7].

Что касается декана, то его успешность определялась способностью отстоять интересы факультета перед лицом ректора и попечителя, создать условия для приоритетного развития «своего» факультета. Кроме личных качеств, его влиятельность в университетском совете и в правлении зависела от значимости факультета, который он возглавлял. Впрочем, нередко более влиятельную силу на факультете, чем декан, являла собой профессорская олигархия — либо «партии» («немецкая» и «русская» для первого десятилетия XIX в.), либо так называемые «университетские старцы» (во второй четверти XIX столетия). Что касается последних, то это были профессора, закаленные многолетним участием в работе совета, предполагавшей неизбежную борьбу мнений, споры и конфликты. Их право на власть, на особое положе-

ние опиралось на почтенный возраст, былые заслуги, долголетнюю службу в университете, принесенные ему «жертвы», но в еще большей степени — на знание слабостей механизма университетского самоуправления, на наличие в корпорации большого числа преданных им учеников. Как правило, многие из «олигархов» были в свое время деканами, проректорами или даже ректорами. Это обстоятельство добавляло амбиций и претензий экс-администраторам, что находило отражение и в протоколах заседаний советов, и в мемуарах.

Для людей «со стороны» действия и слова «университетских старцев» нередко казались дикими выходками выживших из ума стариков. Между тем это была выверенная стратегия власти. В сущности, «заслуженные профессора» давно научились сосуществовать друг с другом, установили пределы допустимого, возможные методы воздействия, хорошо знали уязвимые места соперника. Их скандалы менее всего были выяснением отношений между собой или разрешением назревших проблем. Скорее, они разыгрывались для острастки «публики» — молодых коллег, учеников, студентов. «Старцы» ругались друг с другом, но «лбы трещали» у доцентов, приват-доцентов, студентов. По-видимому, скандалами и драматическими конфликтами они утверждали свою значимость в корпорации, в очередной раз демонстрировали, «кто в доме хозяин», удерживаясь таким образом в составе профессиональной группы. Вместе с тем они создавали в университете ситуацию соперничества, побуждая молодых коллег страстно стремиться к самоутверждению.

Судя по материалам университетского архива, становление демократии, следование ее нормам давалось корпорации с большим трудом и нервным напряжением. Прочитывая протоколы профессорского совета можно легко убедиться, что его заседания менее всего были похожи на светские рауты или холодные рассуждения. Как раз наоборот, чаще всего они становились полигоном для бурного выяснения отношений.

Вот лишь один эпизод из жизни совета. Профессорский конфликт, разразившийся в Казани на рубеже 1860-1870-х гг., получил в историографии название «дело Лесгафта» и привел Казанский университет на грань катастрофы. В те годы попечителем Казанского учебного округа был П. Д. Шестаков, человек твердый и авторитарный. Обстановка в стране (непрерывные студенческие волнения, террористические акты революционеров, первые неудачи реформ, общественная усталость от политики) способствовала установлению жестких форм управления школой. Министр народного просвещения Д. А. Толстой был готов поддержать попечителя чем угодно, лишь бы тому удалось добиться покорности студентов и спокойствия в подчиненных ему учебных заведениях. В результате в Казанском университете установился порядок, когда попечитель вникал во все мелочи университетской жизни, заставлял профессоров наносить ему визиты, «непрерывно бомбардировал совет всевозможными предписаниями»[8].

Спорить в такой ситуации было невозможно. Недовольные могли избрать лишь путь «побега» (перешел в Новороссийский университет А. О. Ковалевский, в Санкт-Петербургский — Н. П. Вагнер). Но примечательно, что перед лицом общего, казалось бы, врага профессорская корпорация не объединилась, а оказалась расколотой на враждующие группы: тех, кто смирился со сложившимся положением вещей, кто изолировался от участия в управлении университетской жизнью, и тех немногих, кто был возмущен попечительским деспотизмом. Ректор Е. Г. Осокин был на позиции безропотного исполнителя попечительской воли. Итогом этой борьбы и стало печально известное «дело Лесгафта».

Под давлением попечителя П. Д. Шестакова, а главным образом в результате содействия большинства членов университетского совета молодой, подающий надежды профессор анатомии П. Ф. Лесгафт был уволен без права поступления на университетскую службу. А вслед за ним на стол попечи-

теля легли прошения об отставке семи ведущих профессоров физико-математического и медицинского факультетов (геолога Н. А. Головкинского, биохимика А. Я. Данилевского, математика В. Г. Имшенецкого, химика В. В. Морковникова, гигиениста А. И. Якобия, гистолога А. Е. Голубева и патолога П. И. Левитского). Попечитель был доволен и подписал прошения. Все они впоследствии составили славу отечественной науки. Казанский же университет в один момент потерял сильных педагогов.

Примечательно, что когда это свершилось, противники, еще недавно большинством голосов травившие коллег, оказались в растерянности. Очевидно, теперь, когда дело было сделано, азарт прошел и включилось чувство корпоративного самосохранения. «Удаление из университета таких достойных семи преподавателей, лучших представителей науки, — обескураженно говорил коллегам профессор истории русского права С. М. Шпилевский, — составляет столь важную утрату для университета, что совет не может ограничиться только пассивным согласием на их увольнение»[9]. Ему вторили профессора М. А. Ковальский, М. Ф. Субботин, А. П. Котельников, Н. Н. Булич, А. Г. Станиславский, желавшие остановить уходивших ученых. Оставаться на брошенном поле боя в одиночестве было как-то неуютно и небезопасно.

Очевидно, совет жил психологией толпы. Каждый его член по отдельности был мудрым и благородным человеком, демократом в душе. Но, собираясь вместе, им так трудно было найти общее решение, удержать единую стратегию. В результате совет оказывался либо в подчинении авторитарных администраторов, подобных Шестакову, либо его раскачивало из стороны в сторону как легкое суденышко, попавшее в шторм. И дело, конечно, не в политических пристрастиях членов совета и не в том, что одни его члены были героями, а другие — злодеями. Противник Лесгафта профессор А. В. Петров стал впоследствии известным врачом, подвижником социальной медицины. А Бутлеров, знавший о конфликте из писем В. В. Марковникова, осудил оставивших университет коллег, полагая, что они бросили его и студентов на произвол судьбы[10].

Поскольку конфликты групповых интересов разворачивались на пространстве доминирования письменной культуры, они облечены в письменную форму — заявления, регистрация «особого мнения» членов совета профессоров или правления, письменных оправданий. К письменному слову профессора относились с таким же уважением, как к боевому орудию. Так, вызванный в 1822 г. на университетский суд над его лекциями профессор Г. И. Солнцев отказался давать письменные показания, разумно предположив, что они будут использованы против него[11].

Однако не все казусы университетских отношений нашли отражение в университетском архиве. В нем есть определенные «зоны умолчания» — пространство, в котором существуют конфликты, разрушающие корпоративную идентичность. К таким относятся, например, конфликты, связанные с коррупцией и разным материальным положением людей одного и того же ранга. Что касается коррупции, то, очевидно, она зародилась в российском университете с момента его основания. Отследить ее по документам университетского архива довольно сложно, а вот по архиву Министерства народного просвещения, ныне хранящемуся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, — возможно.

Одно из первых свидетельств ее существования в Казанском университете дают материалы ревизии 1819 г. Ревизор М. Л. Магницкий обвинил И. Ф. Яковкина, директора университета и председателя комиссии по приему экзаменов у чиновников, как минимум в злоупотреблениях при выдаче университетских свидетельств[12]. В университетском архиве можно найти лишь копии оправдательных писем, отправленных в Санкт-Петербург. В одном из них ректор Г. Б. Никольский сообщал: «Говорят, что к нам студенты поступают с приданым. Больно слышать сие, а

еще больнее говорить. А как слух, распространяясь, растет, то я обязанностию поставляю донести Вам, что узнал о сем. Некоторые из г[оспо]д университетских и гимназических преподавателей, как-то: Грацинский, Полиновский, Рыбушкин, Юферев, Потехин и проч[ие] — давали лекции желающим подвергнуться испытанию для поступления в университет, за что получали плату. Слышал я, но за достоверность слуха не ручаюсь, что некоторые богатые отцы, после испытаний и одобрения к принятию в университет, в знак благодарности дарили, а кого именно и чем, неизвестно. Доподлинно знаю один только случай, что богатая помещица г[оспо]жа Мотовилова по окончании испытания сына ее, хорошего, впрочем, мальчика, подарила г. Городчанинову серебряную табакерку, а мне какой-то незначащий ковер который и девать не знаю куда. В малом моем жилище он не надобен, а потому и решил я отдать его в будущую нашу церковь. Г. Грацинскому за лекции она также что-то подарила. Г. Городчанинов в сем случае не подлежит подозрению, ибо матери угодно было отдать сына ему на воспитание. А моя вина только в том, что я не выбросил коврика, который мне вовсе не нужен, но это показалось бы с моей стороны невежеством»[13].

Как известно, коррупция, взятничество возникают там и тогда, где и когда для нее есть почва. И поскольку выдаваемые университетом аттестаты, дипломы и ученые степени обладали высокой социальной ценностью, а доступ к ним был строго нормированным, то на них существовал высокий спрос и договорная цена. Причем далеко не всегда последняя определялась личными корыстными интересами, нередко это был способ «взаимозачетов» университета с городской или губернской администрацией.

Коррупцией заболевала, ею кормилась та часть преподавателей, которая отвечала за распределение «социального капитала». Впрочем, никогда в нее не была вовлечена вся корпорация. Более того, в университетской среде взятки являлись делом табуированным: разоблачений в их получении не столько боялись, сколько стыдились. Ведь рано или поздно преподаватели, заподозренные в коррупции, оттеснялись на границу корпоративной общности, а современниками они воспринимались, как оборотни.

Кроме того, интерпретацию причин, истории и позиции участников конфликта можно обнаружить в альтернативных по отношению к архиву «текстах памяти» — рукописных или опубликованных воспоминаниях. Но их анализ требует учета специфики речевого поведения университетских людей и участия в моделировании их поведения — явления, которое сейчас получило название «литературоцентризм». Имеется в виду то обстоятельство, что российские интеллектуалы XIX в. описывали события своей жизнь в литературных моделях, используя для этого популярные среди читателей матрицы. Соответственно межличностный или бытовой конфликт нередко имеет в мемуарных описаниях все элементы рассказа о космогонической борьбе света и тьмы, облекается в форму драматического столкновения врагов истинного просвещения с его поборниками. Этой же цели служили центральные метафоры мемуарных произведений: «просвещение — свет», «университет — храм науки», «святая истина науки», «местное общество, как океан тьмы», сакрализующие действия как отдельных членов, так и всей корпорации.

Исторически функция образования состоит в распределении культурного капитала и регуляции доступа к нему. А это уже властные отношения. Речевым и статусным поведением, системой символов и мифов университетский человек утверждал в обществе высокую стоимость принадлежащего ему лично или его корпорации символического капитала. Данное стремление породило тщательно разработанные практики ретуширования или перекодирования природы возникающих в университете конфликтов. И если в начале XIX в. университетские люди легко и довольно откровенно сообщали представителям официальной власти и даже обы-

вателям о сложностях и противоречиях внутри корпорации, то уже в 1840-е гг. корпоративная этика не допускала их обнародования. Решившийся на такое профессор рисковал быть исключенным из университетского пространства как нарушивший корпоративную заповедь. О конфликте допускалось сообщать коллегам конфиденциально — в устной или эпистолярной форме. Соответственно письма являются нередко основным источником сведений о внутрикорпоративной жизни и этике, ее регулирующей.

Специфика времени проявлялась в форме и в языке интересующих нас текстов. Первая четверть XIX в. — время появления матрицы делопроизводственных бумаг в России. В ходе министерской реформы М. М. Сперанский разработал образцы входящих и исходящих бумаг для государственных ведомств. Их введение в административную жизнь должно было упорядочить, то есть унифицировать, содержимое «формуляра», дабы сделать более эффективной и мобильной административную коммуникацию. Применительно к университету это затронуло только персональный состав учащих. Информация о них упорядочена в формулярных, или послужных, списках, где приводятся персональные сведения, интересующие власть: имя, происхождение, конфессиональная принадлежность, квалификация, служебное рвение, семейное положение. Но и они велись не очень регулярно, нередко составлялись самим служащим. На студентов персональных историй не заводили, ограничиваясь «списками» с именами учащихся и указанием их социального происхождения.

Остальные документы делопроизводства велись в произвольной форме или по образцу бюрократической документации присутственных мест. Преобладающая часть документов того времени оригинальна и не имеет писарских копий. Это затрудняет их поиск и прочтение (трудночитаемый почерк, с вымарками и маргиналиями, синяя бумага низкого качества). Однако они предоставляют шанс выделить персональные голоса участников университетской жизни, обнаружить их интерпретацию событий и явлений. Так, протоколы заседаний профессорского совета Казанского университета тех лет обширны, изобилуют подробностями обсуждений, «отдельными» мнениями участников, весьма часто посвящаются разбору конфликтных ситуаций.

Во второй четверти XIX в. ведение делопроизводственной документации было подчинено строгим правилам. Она осуществлялась специальными служащими — журналистами, письмоводителями, архивистами. То есть были установлены более сильные фильтры, оставлявшие за пределами корпоративной письменной памяти «все личное». Изменился и язык деловой словесности. Как явствует из руководства, которое в 1835 г. написал Магницкий для чиновников, поступающих на государственную службу, университетский архив признавался достоянием государства[14]. Соответственно он должен был вестись на «государственном языке», то есть только русском, без научных формулировок и литературных украшений, на «деловом слоге». В свою очередь, канцелярский язык перекодировал аргументацию участников университетских конфликтов. Ведь такое письмо давало вариант интерпретации профессорской культуры, причем в категориях бюрократического дискурса.

Однако даже язык унифицированного письма не обезличен и оставляет исследователю возможности для анализа. Особенно это эффективно для анализа так называемых «институционализированных конфликтов», то есть управляемых и форматируемых сводом правил. К ним, например, относятся научные диспуты, экзамены, защиты диссертаций. Поскольку их участники говорят почти «заученные» тексты, используют типизированные клише и ритуальные формулы, то отступления от привычного речевого поведения, как правило, служит свидетельством остроты противостояния, эмоционального фона, на котором оно разворачивалось.

Сопоставление «альтернативных» текстов памяти позволяет вскрыть кон-

фликты ценностей в университетской среде. Тема «раньше и сейчас» — сквозная для созданной ее представителями мемуаристики. «Нынешние студенты заведомо хуже их предшественников, а старое поколение профессоров, конечно же, лучше современных молодых преподавателей» — это один из тропов университетского сознания, зафиксированный в протоколах факультетских заседаний. В то же время воспоминания полны рассказов педагогов о собственных студенческих шалостях, срывах занятий, сопротивлении власти преподавателей. Очевидно, именно такие универсальные и вневременные тропы создают ощущение протяженности и непрерывности университетской культуры, ее неизменности.

Вместе с тем в мемуарных свидетельствах, посвященных Казанскому императорскому университету, присутствует сюжет, который разрывает провозглашаемое единство университетской жизни. В качестве разрыва мемуаристы указывали на период попечительства М. Л. Магницкого (1819-1826). Выделение лет его правления как грани между «прежним» и современным университетом использовалось как способ отторжения насаждаемых в первой половине 1820-х гг. (что зафиксировано в архивных текстах) норм корпоративных отношений, учебной повседневности и декларируемой цели университетского образования[15]. Указание на эту грань присутствует в мемуаристике как фиксация глубинного конфликта ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Vishlenkova, E. A., Malysheva, S. Yu. Universitat als Wissenschaftseinrichtung und als Form der Gedachtnisorganisation // Jahrbuch fur Universitatsgeschichte. – 2008. – Bd. 11. – S. 155-182.
2. Collins, R. Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. – Harvard, 1998; Он же. Интерактивные ритуалы и социологическое объяснение интеллектуального творчества // Компаративистика-II: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. – СПб., 2002. – С. 45.
3. Загоскина О. П. Воспоминания о Николае Павловиче Загоскине. – Казань, 2003. – С. 13.
4. Уваров П. Ю. Парижский университет: европейский универсализм, местные интересы и идея представительства // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – М., 2000. – Т. 4 – С. 62-63.
5. Ректоры Казанского университета / Под ред. В. С. Королева. – Казань, 2004. – 359 с.
6. Письмо Д. И. Дубяго к В. П. Энгельгардту за 1887 г. Из личного архива И. А. Дубяго.
7. Вишленкова Е. А. Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. – Казань, 2003. – 240 с.
8. Романовский С. И. Николай Алексеевич Головкинский. – Л., 1979. – С. 83.
9. Платэ А. Ф. Новые материалы к биографии В. В. Марковникова // Материалы по истории отечественной химии. – М., 1953. – С. 77.
10. Там же.
11. Гизатуллин М. Х. Политические и правовые взгляды Г. И. Солнцева: Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2006. – 190 с.
12. Российский государственный исторический архив, ф. 733, оп. 39, д. 259, л. 1 об.
13. ОРРК НБЛ, ед. хр. 4019, л. 73-73 об.
14. Магницкий М. Л. Руководство в деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих на службу. – М., 1835. – 198 с.
15. Вишленкова Е. А. Ревизор, или случай университетской проверки 1819 г. // Отечественная история. – 2002. – № 4. – С. 22-35.

На с. 248: Рисунок из коллекции визуальных источников Национального музея Республики Татарстан.

Елена Вишленкова,
доктор исторических наук